

И. И. Афанасьева, О. Н. Воронкова

ШОКИ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация

Участие большинства современных стран в системе мировой экономики является обязательным условием их прогрессивного функционирования и развития, заключающиеся в возможности расширять рынки сбыта и обеспечивать приток иностранной валюты, открывать доступ к инновационным технологиям для модернизации национальной экономики, повышать глобальную конкурентоспособность страны. Вместе с этим активное участие в мировых процессах влечет за собой наступление определенной группы рисков и развитие кризисных явлений. В настоящих условиях, когда мировая экономика и ее субъекты столкнулись с рядом глобальных рисков в экономической, политической, социальной и других сферах актуальным является необходимость в изу-

чении и оценке их последствий для дальнейшей проработки возможных сценариев противодействия возникшим рисковым ситуациям.

Актуализируя представленную позицию, авторы статьи проводят комплексную оценку современного «шокового» состояния мировой экономики, выявляют шок-факторы, оказывающие неоднозначное влияние на особенности ее развития и анализируют последствия их воздействия на установление нового мирового порядка не только на уровне мировой экономики, но и национальных экономик, предприятий, человека.

Ключевые слова

Мировая экономика, VUCA-модель, стратегическая неопределенность, шок-факторы, глобальный кризис, ситуация флуктуации, рисковые условия.

I. I. Afanasyeva, O. N. Voronkova

SHOCKS OF MODERN WORLD ECONOMY AND THEIR CONSEQUENCES

Annotation

Participation of most modern countries in world economic system is condition for their progressive operation and development, lie the ability to expand markets and provide foreign exchange, open access to innovative technologies for modernization of national economy, improve the country's global competitiveness. At the same time, active participation in global processes entails the onset of a certain group of risks and development of crisis phenomena. In modern conditions, when the world economy and its subjects are faced with number of global risks in economic, political, social and other spheres, it is important to study and assess their consequences for further development of possible scenarios for countering the emerging risk situations.

Updating the presented position, authors of article conduct a comprehensive assessment of current shock state of world economy, identify shock factors that have an ambiguous impact on features of its development, and analyze the consequences of their impact on establishment of a new world order, not only on level of world economy, but also national economies, enterprises and people.

Keywords

World economy, VUCA-model, strategic uncertainty, shock factors, global crisis, fluctuation situation, risk conditions.

Введение

Современная мировая экономика развивается в рамках VUCA-модели (volatility, uncertainty, complexity, ambiguity — нестабильность, неопределенность, сложность, неоднозначность)» [1], формирующей для всех участников глобальной общности в условиях взаимосвязи и взаимозависимости ситуацию «стратегической неопределенности». В условиях стратегической неопределенности развиваются все процессы, как рыночные, так и политические, т. к.

глобальные риски социальной, естественно-природной, экономической, политической среды накладываются друг на друга, формируя «шлейф» рискованных ситуаций и их последствий. Как результат, развитие может протекать по разным сценариям: пессимистическому, нейтральному и оптимистичному. Такая позиция является общепризнанной и фигурирует в рамках стратегического планирования и исследований всех современных ученых, политиков, предпринимателей.

Материалы и методы

Другая концепция в ситуации стратегической неопределенности — «доктрина шока», суть которой — в изменении мирового порядка ведущими акторами под эгидой кризиса. Ее автор — канадская журналистка Наоми Кляйн, которая таким образом интерпретирует теорию профессора Чикагского университета Милтона Фридмана: «только кризис — подлинный или воображаемый — ведет к реальным переменам. Когда такой кризис возникает, действия людей зависят от их представлений. И в этом, полагаю, заключается наша главная функция: создавать альтернативы существующим стратегиям, поддерживать их жизнеспособность и доступность до тех пор, пока политически невозможное не станет политически неизбежным» [2].

Фридман утверждает, что «у новой власти есть от шести до девяти месяцев, когда можно добиться основных перемен; если она не использует этот шанс и не предпримет решительных действий в этот период, ей не будут даны другие столь же богатые возможности» [2]. А Дэвид Рокфеллер еще в 1994 г. утверждал, что «мы находимся на заре глобальных преобразований. Нам нужен

хорошо управляемый крупный кризис, и народы примут новый мировой порядок», так как «человек в случае шокового столкновения с неизвестным, склонен впадать в максимальную доверчивость» [7]. Одновременно, противостоит «доктрине шока» теория Нассима Талеба, который выделил в своих работах такое свойство живых систем, как «способность становиться сильнее и выносливее, проходя через потрясения, что достигается за счет очень пристального внимания к происходящему, оперативной обратной связи и «прилаживающего» взаимодействия с окружающим миром» [9].

Результаты

Глубокий разбор представленной проблематики на уровне теории и практики показал, что современный мир переживает кризис, вызванный рядом шок-факторов, и ситуация флуктуации ставит нас перед выбором дальнейшего пути развития.

Первым шок-фактором, триггером, стало быстрое распространение коронавируса, объявленного Всемирной организацией здравоохранения пандемией вследствие очень быстрого распространения (рис 1).

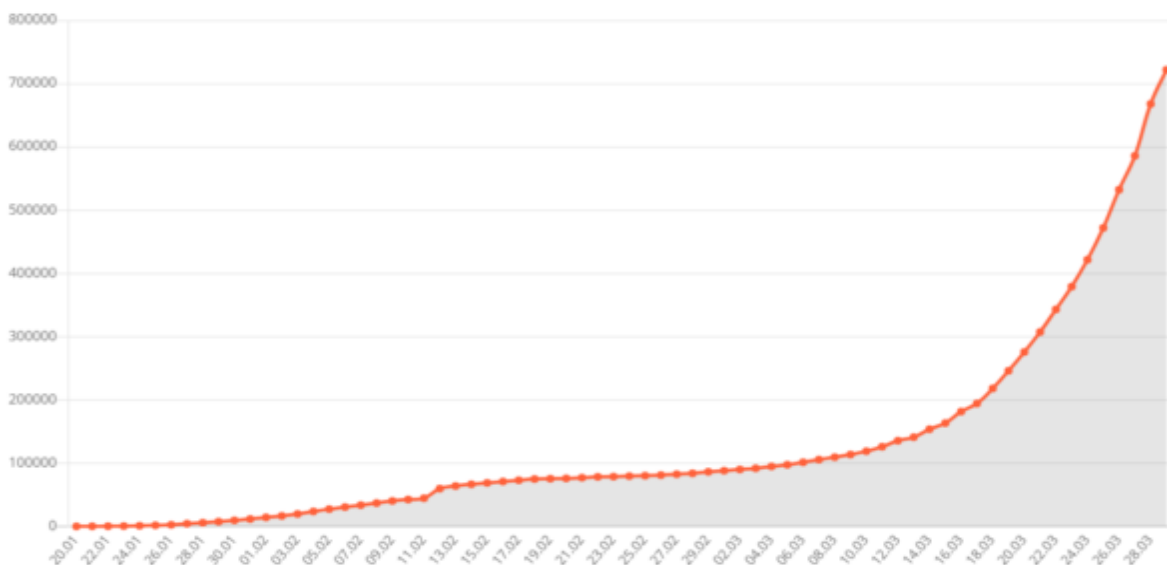

Рисунок 1 — График распространения коронавируса в мире с 20.01.2020 по 30.03.2020 [4]

Усугубляет ситуацию неопределенность, связанная с тем, что:

- «свойства вируса не до конца изучены и могут меняться;
- роль бессимптомных носителей не до конца ясна;
- точных данных о распространении инфекции и формировании иммунитета по этим причинам нет (особенно это касается стран с ограниченным доступом к тестам);
- реакция политиков будет неравномерной, зачастую запоздалой, без упущений не обойдется;
- реакция компаний и населения не вполне предсказуема» [6].

Указанное формирует «вирус страха», делая членов социума легко управляемыми с использованием мягкой военной силы.

Вторым шок-фактором и одновременно реакцией на пандемию корона-

вируса стало изменение конфигурации международного бизнеса и системы международных экономических отношений. В частности, на фоне резкого сокращения совокупного спроса, ограничения транспортного сообщения между странами, глобальные корпорации приступили к сжатию своих глобальных цепей поставок, полностью изменяются воспроизводственные процессы. Указанное отразилось на авиатрафике, который сократился более чем в два раза по количеству полетов самолетов и в 10 раз по пассажиропотоку (рис. 2).

Аналогично наблюдалось снижение автомобильного трафика в разных странах по-разному (по главным городам: в Москве в 8 раз, в Нью-Йорке — в 9 раз, в Лондоне — в 4 раза, в Риме в 3 раза, в Берлине в 2 раза и т. д.).

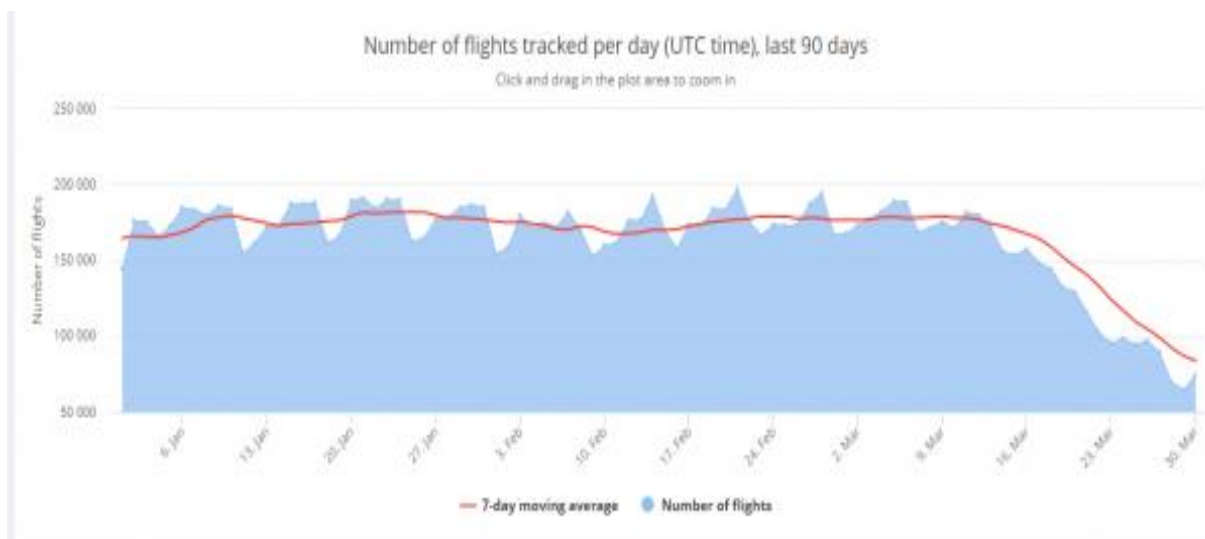

Рисунок 2 — Авиатрафик за I квартал 2020 г.

Также разрываются налаженные ранее связи в рамках глобальных цепочек создания добавленной стоимости, производства и поставок. Например, американские заказчики в сегменте «одежда и обувь» отказались от выполнения заказов в текстильной и швейной отрасли Бангладеш на сумму более 4 млрд долл. [11]

Распространение экономического «вируса» идет не менее быстрыми темпами, чем медицинского, что усиливает и проблемы социально-экономического характера. Например, «по согласованным прогнозам, на последней неделе марта 2020 г. в США должно было поступить 1,6 млн заявок на пособие по безработице, а их поступило 3,28 млн,

т. е. примерно в пять раз больше самого большого недельного прироста безработных, отмеченного во время мирового финансового кризиса» 2007–2008 гг. [6].

Третьим, усиливающим первые два, шок-фактором стал кризис на мировом рынке нефти. 1 апреля 2020 г. завершилось действие соглашения ОПЕК+, подписанного и поддерживаемого с 2016 г. В рамках данного соглашения стороны регулировали цены на мировом рынке нефти на уровне 50 долл. за баррель и выше за счет ограничения поставок. Когда 6 марта 2020 г. стороны сделки так и не договорились о его продлении в условиях повышенного предложения и демпинга со стороны саудовской компании Saidi

Аramco на фоне снижения совокупного спроса на нефть, на рынке начался ценовой шок. Цена упала на нефть марки Brent до 23 долл. (рис. 3). На «бумажном» рынке нефти отрыв был выше, чем на рынке физической нефти. Так, «майский контракт Brent на бирже торговался 31 марта на уровне 22,6 долл. за баррель, июньский — 26,1. Ценовое агентство Platts 30 марта 2020 г. оценивало свой физический эталон Dated Brent (смесь североморских марок) в 17,8 долл. за баррель — почти на 5 долл. дешевле биржевых фьючерсов Brent. А российская Urals имела дисконт более чем в 4,5 долл. от цены Brent (дисконт находится на максимальном уровне с 2008 г.)» [5].

Рисунок 3 — Динамика цен на нефть и курс национальной валюты в феврале-марте 2020 г. [5]

Сложилась ситуация lose-lose как для стран ОПЕК, так и Российской Федерации как нефтеэкспортера, а также для США. Для США и РФ некоторые поставки с 1 апреля 2020 г. уже вошли в зону отрицательной прибыли, т.е. были убыточны, когда стоимость самой нефти, логистики, экспортной пошлины и прочих затрат превышали цену продажи (на 1200 рублей для российской нефти) [8]. Как результат, российская

экономика отреагировала волатильностью национальной валюты — российский рубль «потерял» 20 % стоимости. При этом спровоцировало ускорение развертывания кризисных тенденций объявление ВОЗ коронавируса пандемией и пакет мероприятий по противодействию ей российского правительства, основанный на выделении сотен миллионов рублей на борьбу с пандемией. Два фактора сразу наносят удар по россий-

скому бюджету — самоизоляция при увеличении субсидирования социально незащищенных граждан, остановка большинства производств, предприятий индустрии сервиса и т. п., и ценовое падение на рынке нефти — через сокращение доходов в бюджет (обнуления экспортных пошлин и сокращения поступлений НДС). Так, по оценкам Министерства финансов РФ «при ценах Urals на уровне 13 долл. недополученный объем базовых нефтегазовых доходов федерального бюджета (относительно доходов при заложенной цене 42 долл.) в части экспортных пошлин и НДС на нефть, газовый конденсат, нефтепродукты достигает как минимум 5 млрд долл. в месяц, или почти 400 млрд руб. при текущем курсе рубля.

С учетом демпфирующего механизма, который обязывает нефтяные компании доплачивать в бюджет при низких ценах на нефть, потери должны быть меньше — 3,7–3,8 млрд долл. (300 млрд руб.) в месяц» [5]. В свою очередь, волатильность рубля потребовала дополнительных валютных интервенций ЦБ России ежедневные продажи валюты составляют около 13,5 млрд руб. (170 млн долл.). Около половины этого объема приходится на дополнительные продажи, которые ЦБ осуществляет при ценах Urals ниже 25 долл. за баррель.

Российский рынок сразу отреагировал на шоки мировой экономикой сначала ажиотажным спросом, а затем падением спроса во всех сферах обслуживания и торговли (рис. 4).

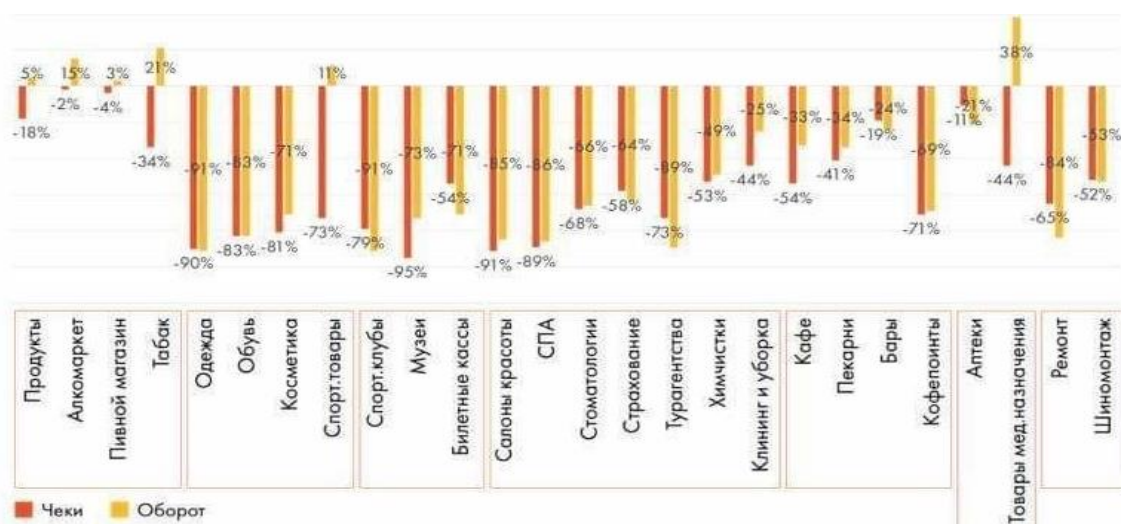

Рисунок 4 — Динамика среднего чека и оборота в секторах торговли и обслуживания в РФ в течение марта 2020 г. [3]

Обсуждения

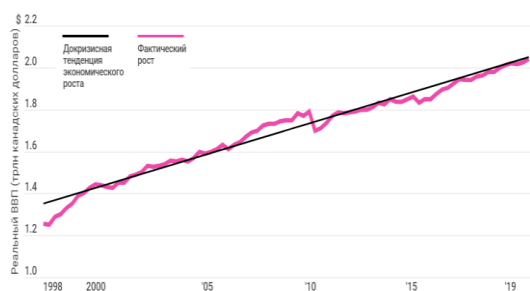
Итак, последствия для экономик всех стран весьма плачевные — рецессия и погружение в кризис с развитием ситуации по разным сценариям, апробированным в кризис 2007–2008 гг. В момент прошлого мирового кризиса было четыре сценария: V-образный, U, L и W-образный (табл. 1). При этом «геометрия шока» зависит от изменений параметров экономического развития со стороны предложения, в первую оче-

редь, капитала. Когда сфера кредитного посредничества страдает и основной капитал не растет, восстановление идет медленно, сотрудники уходят с рынка, навыки теряются, продуктивность падает. Шок становится структурным. Последствием может быть разная интенсивность кризиса при разных сценариях как его важнейшая характеристика — либо глубокий, либо неглубокий, а также расхождение в параметрах новой и прежней траектории развития (рис. 5).

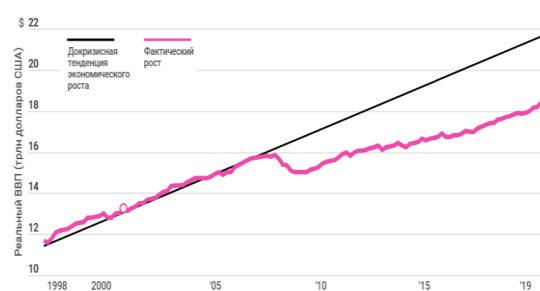
Таблица 1 — Сценарии развития мирового кризиса в 2008 г. (примеры)*

Сценарий	V-образный	U-образный	L-образный	W-образный
Характеристика	Производительность падает, но экономический рост в конечном итоге возвращается на прежнюю траекторию	Затяжная рецессия с восстановлением, но на более низком уровне траектории развития	Отсутствие возврата к траектории роста, медленный рост. Структурный кризис (стагнация)	Падение роста ВВП, преодоление через бюджетно-налоговую политику кризиса, и новое падение из траектории наметившегося роста без возврата к предыдущей траектории
Пример страны	Канада	США	Греция	Россия
Проявление кризиса	Избегание банковского кризиса, что сформировало ситуацию наличия кредитных денег. Производство сокращалось, но не закрывалось что позволило избежать утраты кадров. ВВП снизился, но фактически вернулся на докризисную траекторию роста	– замедление темпа роста экономики – глубокий банковский кризис; – низкая доступность капитала и удар по производительности, потеря ценных трудовых ресурсов; – затягивание во времени	– снижение производительности, потери постоянно увеличиваются, что ведет к потере трудовых ресурсов, сокращению капиталовложений и усугубляет ситуацию; – кризис нанес стойкие структурные повреждения экономике страны со стороны предложения	– снижение предложения денег, в том числе и от иностранных инвесторов; – снижение профицита бюджета из-за падения цен на нефть при бюджетно-налоговой поддержке сокращающегося реального производства; – сокращение ВВП, с выходом на отдаленную траекторию роста в 2010 г. С 2013 г. новое снижение, усугубленное ситуацией по аннексии Крыма, девальвации национальной валюты, введению санкционного режима в 2014–2015 гг.

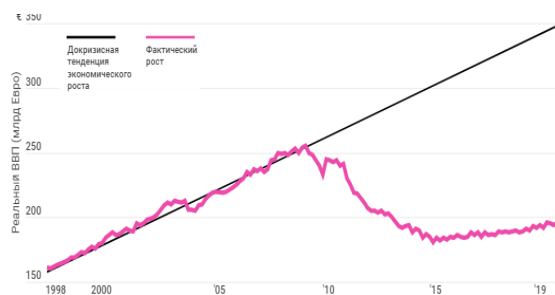
* Составлена с использованием изданий Harward Business Review.

V-кризис в Канаде

U-кризис в США

L-кризис в Греции

Рисунок 5 — Графические траектории кризиса 2008 г. [6]

Влияние глобальных шоков факторов на национальном уровне вызывает локальные шоки — предложения и спроса сразу. Так, шок предложения в РФ может привести к глубокому спаду, но за ним быстро последует компенсирующий подъем экономики на фоне восстановления и компенсирующих потери предпринимателей механизмов государственной поддержки. Однако взаимное наложение шоков предложения и спроса из-за снижения доходов населения в условиях неопределенности будущей занятости в режиме самоизоляции формирует неопределенность относительно траектории восстановления в целом. На этом фоне вводимый пакет мер противодействия (режим самоизоляции с тотальным контролем за перемещением граждан, введение штрафов за нарушение этого режима, выделение финансовых средств государствами на компенсацию потерь от остановки производств, увольнений и т. п., при значительном государственном долге стран) формирует высокую зависимость каждого гражданина от государственных структур, а траекторию восстановления делает практически невозможной.

Выводы

Возвращаясь к доктрине шока с учетом вышесказанного, можно констатировать ряд специфических моментов переоформления и установления нового мирового порядка на разных уровнях — мировой экономики, национальных экономик, предприятий, человека:

1) уровень координации мировых усилий крайне низок и продолжит снижаться. Так, **глобальные шоки и «эпидемия «избавляют» любое государство от необходимости искать удобный предлог для разрешения торговых споров вне рамок ведущих международных организаций, в первую очередь ВТО»** [10];

2) усиление концепции национального суверенитета с точки зрения продовольственной, медицинской, эко-

номической и т. п. обеспеченности, национального «эгоизма и протекционизма»;

3) замыкание развитых стран на себя разрушает глобальные цепи поставок, в которые активно включены развивающиеся страны, что приводит к усилению неравенства в мире на фоне растущей безработицы в эти странах и к увеличению международных и национальных конфликтов, к кризису доверия власти;

4) на уровне глобальных компаний происходит переориентация с экономической эффективности на стабильность и устойчивость снабжения и поставок через приближение производств к головным компаниям и местам продаж;

5) на национальном уровне появление, а точнее насаждение, новых институтов тотального цифрового контроля за человеком, его транзакциями, передвижением, рождаемостью, повышению платежных обязательств бизнеса и домашних хозяйств;

6) при этом в условиях рецессии растет армия безработных, изменяются условия труда — при возможности перевода офлайн-труда в онлайн-режим с изменением фонда оплаты труда предприятиями, что еще в большей степени усиливает сокращение доходов населения, нагрузку на бюджеты стран, сокращение совокупного спроса.

Круг замыкается, воспроизводя кризисную траекторию.

Библиографический список

1. Мир VUCA и подходы выживания в нем [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://becmology.ru>.
2. Кляйн, Н. Доктрина шока. Становление капитализма катастроф [Электронная книга]. — Режим доступа : <https://royallib.com>.
3. Отчетность Эвотор [Электронные ресурсы]. — Режим доступа : <https://vc.ru/finance>.

4. Распространение коронавируса. Статистика [Электронные ресурс] — Режим доступа : <https://vc.ru/flood>.

5. Сделка ОПЕК+ по сокращению поставок нефти прекратила действие [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://worldcrisis.ru>.

6. Карлссон-Шлезак, Ф., Ривз, М., Шварц, П. В шоке: три сценария кризиса, вызванного Covid-2019 [Электронные ресурс] // Harvard Business Review. — 30.03.2020. — Режим доступа : <https://hbr-russia.ru>.

7. Хардт, М., Негри, А. Империя / под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. — М. : Праксис, 2004.

8. Цена российской нефти стала отрицательной [Электронный ресурс] // Газета.ru. — 01.04.2020. — Режим доступа : <https://www.gazeta.ru>.

9. Чухно, Ю. Управление изменениями в VUCA-мире: как вовлечь людей и помочь им стать лидерами новых решений [Электронный ресурс] // Business Excellence. — 2016. — № 8. — Режим доступа : <http://novaterracoaching.su>.

10. Foreign Policy: Каким будет мир после коронавирусной пандемии. Опрос [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://eadaily.com>.

11. Helfenbein, R. Apparel Industry in crisis — Why we need to work as a team. Just Apparel by 30.03.2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.just-style.com>.

Bibliographic list

1. World of VUCA and approaches to survival in it [Electronic resource]. — Mode of access : <http://becmology.ru>.

2. Klein, N. The Shock Doctrine. Emergence of disaster capitalism [Electronic resource]. — Mode of access : <https://royallib.com>.

3. Reporting Evotor [Electronic resource]. — Mode of access : <https://vc.ru/finance>.

4. Spread of coronavirus. Statistics [Electronic resource]. — Mode of access : <https://vc.ru/flood>.

5. OPEC+ deal to cut oil supplies has ended [Electronic resource]. — Mode of access : <http://worldcrisis.ru>.

6. Karlsson-Schlesak, Ph., Reeves, M., Schwartz, P. In shock: three crisis scenarios, Covid-2019 [Electronic resources] // Harvard Business Review. — 30.03.2020. — Mode of access : <https://hbr-russia.ru>.

7. Hardt, M., Negri, A. Imperia / ed. by G. V. Kamenskaya, M. S. Fetisova. — M. : Praxis, 2004.

8. Price of Russian oil was negative [Electronic resource] // Gazeta.ru. — 01.04.2020. — Mode of access : <https://www.gazeta.ru>.

9. Chukhno, Yu. VUCA-Mir: how to engage people and help them become leaders of new solutions [Electronic resource] // Business excellence. — 2016. — № 8. — Mode of access : <http://novaterracoaching.su>.

10. Foreign policy: What will the world be like after coronavirus pandemic? Survey [Electronic resource]. — Mode of access : <https://eadaily.com>.

11. Helfenbein, R. Apparel Industry in crisis — Why we need to work as a team. Just Apparel by 30.03.2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.just-style.com>.